

В противовес герценовскому «Кто виноват?» о разрушенных судьбах русских в центре «Что делать?» — идея духовной полноты. Новые люди Чернышевского, хотя роман его «полон несчастий и бед, траура и печали... тем не менее „счастливые люди“, как их называл Николай Страхов». Знаменитые сны Веры Павловны, хозяйки трудовой артели, воплотили мечту автора, который «хотел в крепостной стране ввести освобождающие человека буржуазные структуры». Увы, увы — идея свободного труда образованщиной того времени была воспринята по-своему.

Ценой невероятной популярности романа «Что делать?» стала... вульгаризация его идей в целях политической борьбы. Вопрос «что делать?» не привыкшая к труду публика поняла как «призыв к революционному действию — стрелять и взрывать». Не понято было и то, что идея свободы сочетается в романе с христианским либерализмом.

Мы привыкли видеть Чернышевского в ореоле неслышимой жесткости Ленина или Дзержинского. Но его понимание свободы было иным. Как пояснял он в переписке с Некрасовым: «В том и состоит свобода, чтобы каждый делал то, что требуется его натурой». Свобода понималась Чернышевским не как революционное насилие, но — состояние человеческого духа. Вспомним, что вопрос «что же нам делать?», адресованный народом Иоанну Крестителю, встречается еще в Евангелии. Введенный же в подзаголовок романа концепт «новые люди» впервые появляется как именование христиан в «Повести временных лет».

«Прекрасное есть жизнь!» Отстаивая Жизнь Духа как высшую христианскую ценность, бывший семинарист и потомок священников Николай Чернышевский через собственную жизнь и судьбу пронес идею действенности православия и умер с Библией в руках. Редкий снимок успения Чернышевского с Библией в руках, присланный Владимиру Кантору из волжского музея, неопровержимо доказывает этот вывод писателя.

Алла БОЛЬШАКОВА

ФАЛЬШИВЫЕ НОТЫ — ВНЕ НАС И ВНУТРИ

Франсуа Деблю. Фальшивые ноты. Перевод с французского Николая Бокова. СПб.: Алетейя, 2017.

Писатель и философ Николай Боков, живущий в Париже, перевел книгу швейцарца Франсуа Деблю, о котором в предисловии «От переводчика» сказано совсем немного. Родился в 1950-м в Монтре на Женевском озере, месте, где 17 лет жил и где умер Владимир Набоков. Отец Франсуа был музыкантом, дядя — известным швейцарским писателем, сам автор «Фальшивых нот» имеет на счету 40 книг, среди которых исследование о Рембрандте. Вот и все.

Но понятно, что Боков не случайно взялся за перевод книги своего швейцарского коллеги. Они на удивление похожи. Об этом Боков сам пишет в том же предисловии: «Читая книги Франсуа Деблю, я почувствовал родство: склонность к афористичности, парадоксу, умеренной иронии, надежда на великое „там и потом“, пристальное внимание к сочному эпизоду жизни, — это все мне близко». Эта редкая близость ощущается и теми, кто знает творчество Бокова. В свое время я писала рецензию на его книгу «Фрагментарий». В сущности, у нее точно такая же жанровая форма, как и у «Фальшивых нот».

То же неспешное высказывание, часто философическое. Размышление, вызванное каким-то жизненным эпизодом, впечатлением, пейзажем. Та же размеренность, неторопливость, что в наш скоростной век даже как-то озадачивает. Человек дает себя волю размышлять, откликается на мелочи, фиксирует пришедшую в голову мысль... Похожа и структура. Это фрагменты, мало связанные друг с другом. Посему у книги нет какого-то одного «содержания», нет в ней ни завязки, ни развязки, ни кульминации. Можешь читать хоть с конца, хоть с середины. В принципе ничего особенно нового. Такое мы читали у Василия Розанова («Опавшие листья»), Юрия Олеши («Ни дня без строчки»), Михаила Булгакова («Записки на манжетах»). Назову и любимого мною Сергея Голлербаха, великолепного американского — с русскими корнями — жанрового художника, а также мастера миниатюрных эссе.

У Деблю и Бокова есть и различия. У второго в текстах больше личного, сокровенного. Есть в «Фрагментарии» некая жизненная линия, которая не теряется за другими фрагментами; это история дочери Маши, девочки-инвалида. Параллельно, и тоже в отстоящих друг от друга фрагментах, рассказывается о Бернадетте Субиру, лурдской святой, которой являлась Дева Мария. Рассказы о двух юных существах переплетаются, тем более что Машу возили на излечение в Лурд, к святому источнику. Отдельные фрагменты книги Бокова посвящены его «пощению», многолетнему подвигу странничества и аскезы, отказу от жизненных благ и удобств. Две эти темы условно составили некую основную канву книги, их продолжения ждешь.

У Франсуа Деблю тоже есть несколько тем, которые встречаются на протяжении всей книги: впечатления от городов в разных европейских странах, суета внешнего, клерикалы, забывшие о сути религии, впечатления от книг, ужас возможной войны, а еще — фальшивые ноты, которые автор «слышит», как сказано в эпиграфе, «не только в себе, но и вокруг». Эти фальшивые ноты и дали название всей книге. С них я и начну. Ведь в самом деле интересно узнать, что мешает жить писателю-философу, обитающему в благословенном уголке Европы. Что заставляет его морщиться?

Извольте.

«Желание (любви, денег, славы) удовлетворено; скоро оно возрождается вновь, и так до смерти.

„Дон Жуан“ Моцарта кончается лишь на последней ноте — на протяжном хрипе: самая главная фальшивая нота истории.

* * *

Работа ночных рабочих. Шум лопат и метел. Фальшивые ноты.

* * *

Нескончаемые фальшивые ноты: уличные сирены (в Нью-Йорке. — И. Ч.) Их рев ввинчивается в пролеты между зданиями...

* * *

„Фальшивые ноты“: мои последние отступления».

Впечатляет диапазон «фальшивых нот» — от «главной фальшивой ноты истории», предсмертного хрипа Дон Жуана, через фиксацию ужасающих шумов во время ночных работ в городе и полицейских сирен в Нью-Йорке — к констатации частичной негодности своей писательской работы. Поистине: ищи фальшь не только вокруг, но и у себя.

Любители афоризмов найдут в книге Франсуа Деблю замечательные образчики отточенного парадоксального или острого высказывания:

Нужно иметь смирение, чтобы признаться в своей гордыне.

Подлинный авторитет не авторитарен

От почтенности у него был только возраст.

Они говорят «плохо сшито» о том, что сшито не по их меркам.

Низость не имеет степени.

Есть лица, которые сами по себе — довод против.

Быть человеком: сознавать себя пассажиром Времени.

Но лично мне больше по душе лапидарные философские размышления, в которых отражается личность писателя — его наблюдения, вкусы, страхи, обыкновения.

Вот одно из наблюдений, которое показалось мне очень глубоким:

«Какой-нибудь биограф постепенно узнает столько о своем „герое“, сколько тот никогда о себе не знал. Но есть также и такие истины — скрывшиеся или спрятанные, — каких исследователь не откроет, поскольку ничто и никто — ни документ, ни свидетель — не сохранили о них никакого следа».

Как верно сказано: «ни документ, ни свидетель». Далеко не все задокументировано, и часто человек остается наедине с собой в отсутствие свидетелей. И кто может сказать, какие мысли приходят тогда в его голову, какие чувства им владеют?! Плох биограф, который думает, что, имея документы, легко может справиться с задачей. И как правы те, кто, подобно Тынянову, порой строят биографии своих реальных героев, исходя из интуиции...

Вот еще одно маленькое размышление, которое многим покажется очень верным, приложимым к ним:

«Имя нечто большее, чем название, предшествующее социальному имени, „фамилии“.

Имя — уникальное наименование в детстве. Оно дает основание нашей самости — более чем принадлежность к такому-то клану».

Выделила здесь для себя «в детстве». Ведь именно в детстве мы осознаем свое имя и учимся его называть, тогда же мы, как Иосиф в романе Томаса Манна, погружаемся в глубокий колодец памяти поколений, находя в нем все новых и новых носителей своего имени. Их много, но они не я, мое имя определяет меня как единицу и в то же время говорит о моей принадлежности к человеческому роду, к определенной нации, к определенной эпохе...

А вот интересное рассуждение о Швейцарии:

«Я живу — случайность рождения — в мозаичной стране, которая превращает все, что в ней делается, в нечто малое, вторичное, второго плана. Здесь иного плана и нет. Возможно, это достоинство этой страны. Ничего капитального. Провинциальный профессор, киношник, художник, провинциальный писатель. Влюбленный из провинции.

И если в порядке исключения тот или другой выходит за ее пределы, то потому, что другая страна дает ему понять: эта провинция не хуже всех остальных».

Удивительная характеристика! Если вы, дорогие читатели, думали, что Швейцария — это природный рай, приют банкиров, держащих под контролем весь финансовый мир, свободолюбивая республика, придерживающаяся вечного нейтралитета, страна с четырьмя официальными языками, проводящая референдумы по всякому поводу, например, стоит ли правительству выплачивать каждому швейцарцу ежемесячный гарантированный доход, то, прочитав этот фрагмент, вы призадумаетесь... Оказывается, для швейцарского писателя и философа самое важное — это то, что Швейцария — провинция Европы, страна «второго плана».

И знаете, может быть, он прав? Ведь вон сколько писателей «кончали» в Швейцарии свои дни, не считаясь швейцарскими авторами, — тут и Эрих Мария Ремарк,

и Набоков, и Герман Гессе, и Ирвин Шоу, и Генрик Сенкевич, и Томас Манн, и Джеймс Джойс, и Грэм Грин, и Роберт Музиль, и Жорж Сименон...

А кто здесь начинал? Начинали единицы.

Вспоминаются только Жан Жак Руссо, родившийся на берегах Женевского озера, но в итоге ставший французским писателем и мыслителем, ну и Макс Фриш и Фридрих Дюрренматт, двое истинно швейцарских авторов.

Для «провинциального писателя», живущего в нейтральной стране, Франсуа Дебю подозрительно много думает о войне и ее носителях. Вот выписываю:

«История (человеческая) войн сделана из забвения предшествующих войн — и из злой памяти. Ее абсолютный ужас забывается, и помнятся лишь ужасы, требующие отмщения, — задетые честь и интересы.

Насилие не имеет конца».

* * *

«Парадокс войны: часто ее начинает страх.

Враг тот, кого бояться. И чтобы не бояться, нападают».

И еще вот этот фрагмент, кажется, отвечающий на вопрос: почему о войне?

«В тишине самой полной, когда он, пройдя пешком час или два, воображает себя удалившимся от людей и от всего, — одинокому путнику мирных швейцарских троп обязательно достанется услышать гром пушек, далеких очередей пулеметов и нервных пролетов военных самолетов».

Не уверена, что насилие здесь не метафизическое, не навеянное чтением газет, и, однако, смысл этого высказывания понятен: уйти от угрозы уничтожения, от призраков войны невозможно.

А вот о «профессионалах войны» в мирное время, об инструкторах, готовящих граждан к кризисам, катаклизмам и катастрофам:

«Для них ужас — рутина. Каждую неделю и месяц, перед новой публикой они повторяют все те же ужасы, изображают все те же катастрофы. План неизменен, как и выбранный для примера городской квартал. Вот здесь столько-то раненых, там столько-то обгоревших, столько-то разрушенных зданий. Послушать их — они испытывали все, о чем говорят».

В конце этого фрагмента автор подводит некий важный итог:

«Я всегда спрашивал себя, грешат ли они из-за избытка или недостатка воображения.

Все чаще мне кажется, что верно второе предположение...»

Парадоксальным образом «профессионалы войны» сближаются в сознании автора с религиозными проповедниками. Именно с теми, кто не видит за словами молитвы ее человеческого содержания, превращая церковную службу в «невыносимый театр»:

«Хотелось бы только, чтобы они немного понимали тяжесть вверенных им слов... чтобы они немного уважали смысл и вес, отдавали себе отчет — без пафоса, с минимумом смирения — о серьезности, богатстве и лучистости слов, которые им предстоит произнести...»

Конечно, трудно быть профессионалом молитвы. Еще труднее — профессионалом благодати. (И — неожиданный конец, заставляющий задуматься о связи религии и искусства.) Это хорошо знают музыканты, поэты, танцоры».

Книга небольшая, но сколько же в ней того, что хочется цитировать. Вот, например, в одной фразе об итальянском городе (а вообще «впечатления» о городах Европы разбросаны по всей книге):

«Турин. Гений народа в чашечке кофе».

Или о бессоннице, как видно, постоянной ночной спутнице автора:

«Бессонница: особый случай нашего отношения к ночи. А сам он — особенность нашего отношения ко Времени...»

* * *

«Спать: вступить в брак с наступающей ночью. Согласиться с ночью».

Или о музыке: «Огромная власть определенной музыки. Внезапно толпа встает, аплодирует, поет, волнуется, ревет, раскачиваясь ритмично; она в трансе, готова на все — и доброе, и дурное...»

Мне это напомнило толстовские рассуждения о музыке в «Крейцеровой сонате». Конечно же, наш Лев Николаевич, кстати говоря, автор рассказа «Люцерн», написанного по швейцарским впечатлениям, Франсуа Деблю хорошо знаком. И свидетельство тому — его книга.

В ней среди упоминаний имен множества писателей — от Данте до Селина — можно встретить и русских: Толстого, Достоевского, Розанова, Ахматову, Андрея Тарковского.

А под конец мне хочется привести максимуму швейцарца, которая страшно мне напомнила одно поразительное место из статьи Блока «Интеллигенция и революция».

У Дебля высказывание звучит так:

«Ждать всего от жизни: конечно, безумие.

Но как жить с меньшим?»

А вот у Блока: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна».

Наверное, кто-то обвинит обоих авторов — швейцарца и русского — в идеализме, романтизме, отрыве от реальности. Для меня же оба эти высказывания звучат как мелодия, в которой нет ни одной фальшивой ноты.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ